

Narodna in univerzitetna knjižnica
v Ljubljani

41201

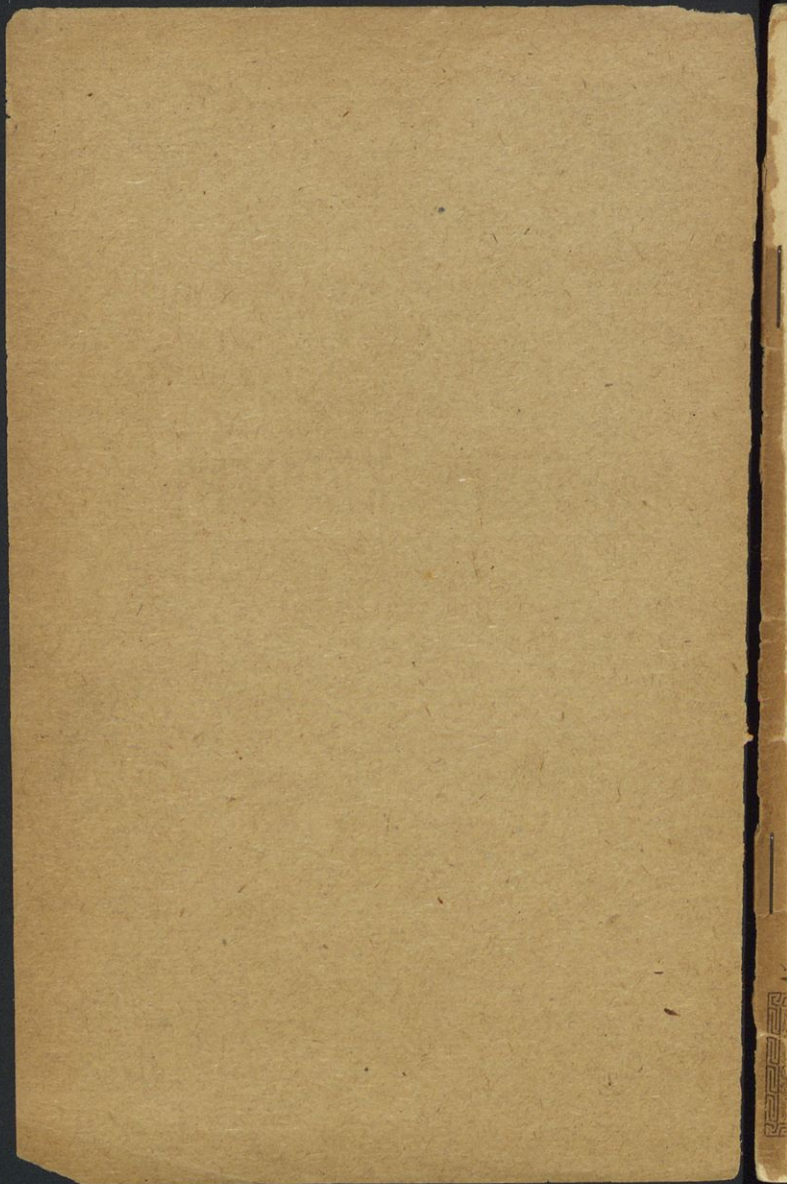
МАРТИНЪ КЕРШАНЪ.

НАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Переводъ съ словенскаго М. Хостника.

Изданіе журнала „Slovanski Svet“.

ТРИЕСТЪ.
Типографія Доленцъ.
1891.

ФРАНЦЪ ЛЕВСТИКЪ

МАРТИНЪ КЕРПАНЪ.

НАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Переводъ съ словенскаго М. Хостника.

Издание журнала „Slovanski Svet“.

ТРИЕСТЪ.
Типографія Доленцъ.
1891.

41201

41201

F20 735 / 1953

I.

Въ давнія времена, въ деревнѣ Холмъ, въ Краниѣ жилъ могучій силачъ, по имени Мартинъ Керпанъ. Его ростъ, говорятъ, былъ до того громаденъ, что ужъ бѣльшого и представить себѣ невозможно. Хлѣбопашествомъ, какъ прочіе односельчане, онъ не хотѣлъ заниматься, а предпочиталъ торговать солью, хотя, при существованіи въ Австріи монополіи на соль, подобная торговля считалась преступной контрабандой. Полагаясь исключительно на свою силу, отправлялся Керпанъ на тощей клячкѣ въ Триестъ и, набравъ тамъ нѣсколько пудовъ соли, свободно и безъ страха развозилъ ее по деревнямъ для продажи. Граничаре — такъ звали акцизныхъ надсмотрщиковъ — знали про эти проказы Керпана, но не рѣшаясь вступить въ открытую борьбу съ нимъ, хотѣли, какъ-нибудь хитростью захватить его врасплохъ и посчитаться съ нимъ. Но и Керпанъ не дремалъ: онъ насквозь видѣлъ граничаръ и всегда счастливо избѣгалъ съ ними встрѣчи.

Было зимнее время. Поля и деревни были засыпаны глубокимъ снѣгомъ. Отъ одного поселка до другого тянулись узенькія тропинки, проложенныя пѣшеходами. Шоссе въ тѣ времена не бывало. По такой-то тропинкѣ плелся однажды

Керпанъ на своей неизмѣнной лошади навьюченной мѣшками съ солью.

Вдругъ, неожиданно-негаданно, катитъ ему на встрѣчу дорогая карета, запряженная четверней. Въ каретѣ сидѣлъ цесарь Иванъ, отправлявшійся тогда въ Триестъ. Керпанъ, никогда не выдавшій царственныхъ особъ, не обратилъ никакого вниманія на проезжаго и даже шапки не снялъ. Но съ него взыскивать за это нельзя: съ одной стороны, онъ былъ простакъ, а съ другою — и не до поклоновъ ему было: боясь, чтобы лихая четверня не сбила съ ногъ его тяжело навьюченной кобылки, онъ подхватилъ ее на руки и, вмѣстѣ съ товаромъ, отнесъ въ сторону. Такъ щегольская карета проѣхала мимо. Приподнять и перенести кобылку — для Керпана было все равно, что намъ передвинуть стулъ съ одного мѣста на другое.

Цесарь все это видѣлъ и удивился необыкновенной силѣ Керпана. Тотчасъ приказалъ онъ кучеру остановиться и спросилъ съ любопытствомъ: — „Кто ты такой?“

— Зовутъ меня Керпаномъ, хладнокровно отвѣтилъ силачъ, — родомъ я изъ Холма, версты четыре отсюда будетъ.

— Что за товаръ везешь? снова спросилъ цесарь.

На секунду смутившійся Керпанъ отвѣчалъ смѣло: — Набралъ губокъ, да самую малость брусковъ.

— Зачѣмъ же ты бруски положилъ въ сумки? — продолжалъ цесарь.

— Да видите-ли, баринъ: боюсь, какъ бы отъ морозу не потрескались; вотъ я и обернулъ ихъ въ солому да положилъ въ сумки.

Такой отвѣтъ вполне удовлетворилъ любопытство цесаря Ивана и онъ прибавилъ: — „Конечно, тебѣ лучше знать, какъ обращаться съ такимъ товаромъ. А вотъ диво, какъ это ты такъ легко перенесъ свою лошадку. Правда, она у тебя тощая, а все же кости у нея есть“.

Послѣднія слова показались Керпану нѣсколько обидными; поэтому онъ гордо отвѣчалъ:

— Вижу, что у вашихъ коней мяса побольше, да я все-таки не промѣняю своей лошадки на всю вашу четверню, вотъ на эту самую. А что я на рукахъ перенесъ ее, такъ доложу вамъ, что и двѣ такихъ могу нести на рукахъ верстъ пять, а нѣтъ, такъ и больше, еслибъ на то пошло.

Цесарь удивился, но ничего не сказалъ: „Его нужно имѣть въ виду“, рѣшилъ онъ про себя и велѣлъ кучеру ѣхать далѣе.

II.

Прошелъ годъ, а можетъ быть, и больше. Нашъ Керпанъ продавалъ да продавалъ свою контрабандную соль. Но вотъ въ Вѣнѣ появился откуда-то страшный великанъ Бердаусъ. Гордо вызывалъ онъ на поединокъ всѣхъ богатырей цесарскихъ. Нашлись храбрецы, которые попытались было помѣряться силами съ Бердаусомъ. Но побѣждать ихъ было для великана шуткой, и, по своему жестоко-сердію, онъ всякаго рѣбѣжденнаго тутъ же убивалъ. Отъ страха въ Вѣнѣ не знали, куда дѣваться. Цесарь Иванъ не ѣстъ, не пьетъ, все думаетъ думу горькую: „Что будетъ со мною и съ моимъ царствомъ, если никто не побѣдитъ великана! Сколько храбрыхъ и знатныхъ дворянъ онъ уже перебилъ у меня и сколько еще перебьетъ! Что тогда будетъ?“. Цесарь думалъ такъ вслухъ, а кучеръ слышалъ его слова.

— Цесарь! сказалъ онъ, подойдя: — развѣ вы забыли, что было прошлый годъ около Триеста?

Цесарь съ досадой взглянулъ на своего кучера; но тотъ, не смутившись, продолжалъ:

— Забыли Керпана, что брусками торговалъ? Онъ еще перенесъ тогда свою лошадку съ дороги, точно щипъ принялъ со стола? Если ужъ Керпанъ не одолѣтъ

Бердауса, то никому это не подь силу. Вотъ что я вамъ доложу.

У цесаря, послѣ такихъ словъ, точно гора съ плечъ свалилась; тотчасъ кликнулъ онъ своимъ придворнымъ: — Привезти мнѣ сію минуту Керпана!

Всѣ бросились исполнять цесарево приказаніе и немедленно покатали на четверкѣ, запряженной въ дорогую карету, за Керпаномъ. Какъ муха мчался цесарскій посолъ при Холмъ, чтобы не пропустить ни минуты даромъ. Когда онъ примчался въ деревню Холмъ, Керпанъ только-что свалилъ около своей избы нѣсколько пудовъ соли. На этотъ разъ, пятнадцать граничаръ подстерегали его за избой, и какъ только Керпанъ свалилъ соль, всѣ они бросились на него, чтобы связать и конфисковать соль. Керпанъ сперва на нихъ только покосился; но его сердитый взглядъ не смутилъ граничаръ: они продолжали наступать на него. Тогда Керпанъ схватилъ за ноги перваго понавшагося и давай имъ бить остальныхъ. Граничаре разсыпались во всѣ стороны, а за ними сильно поизмятый побрелъ и тотъ, который исправлялъ должность дубинки.

Цесарскій посолъ видѣлъ все это, ибо какъ разъ въ самую свалку подкатилъ къ избѣ. Онъ сразу догадался, что это именно и есть тотъ, за которымъ его послали.

— Ты Мартинъ Керпанъ? спросилъ онъ у него.

— Не обознались, батюшка, я Керпанъ и Мартинъ тоже, отвѣчалъ сплачъ. — А что вамъ угодно? Если вы тоже на счетъ соли пожаловали, то знаете что: лучше отстаньте, пятнадцать человѣкъ я только-что расшибъ, а одного и подавно изувѣчу.

Посоль недоумѣвалъ, почему это Керпанъ толкуеть о соли, и сказалъ ему :

— Убери лошадку, да одѣнься поскорѣй по праздничному : поѣдемъ въ Вѣну, цесарь тебя зоветъ.

Керпанъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Куда намъ, горемычнымъ, ѣздить въ Вѣну, сказали онъ наконецъ. — Нѣтъ, лучше я буду развозить соль.

— Не думай, Керпанъ, что я шучу, отвѣтилъ на это посоль.

— Я бы вамъ этого и не совѣтовалъ, промолвилъ тотъ.

Нужно было убѣдить Керпана, что самъ цесарь его зоветъ. — Вспомни, продолжалъ посоль, какъ ты, прошлой зимой встрѣтился въ полѣ съ какимъ-то господиномъ, который ѣхалъ въ каретѣ; ты сдвинулъ еще тогда свою лошадку съ дороги, чтобы дать проѣхать ему. Вѣдь тотъ-то господинъ былъ самъ цесарь Иванъ.

— Цесарь! Ишь ты! удивился Керпанъ.

— Да, цесарь. Ты поразилъ его тогда своею силою, онъ хорошо тебя запомнилъ; теперь вогъ зоветъ тебя въ Вѣну; ты ему нуженъ. Видишь-ли: въ Вѣну недавно откуда-то явился грозный великанъ по прозванью Бердаусъ; онъ вызывалъ цесарскихъ богатырей на поединокъ и всѣхъ перебилъ. Цесарь и всѣ вельможи страшно горюють. Вотъ кучеръ и напомнилъ цесарю про тебя; онъ обрадовался и послалъ меня за тобою. Если ты не укротишь Бердауса, то пропадать цесарю и его столицѣ.

Керпанъ, который до того думалъ, что хотять вызвать его въ Вѣну, чтобы наказать за своевольную тор-

говлю солью, теперь нѣсколько пріободрился. Къ тому же это лестное приглашеніе, повидимому, ему понравилось. Онъ согласился, но прибавилъ :

— Только смотрите, сударь, не водите меня за нось, а то вамъ же плохо будетъ. А коли и вправду вы зовете меня прогнать этого вашего Бердауса, то хоть пятнадцать ихъ давайте: для меня это легче, чѣмъ вамъ плюнуть черезъ лужу, которую трехлѣтній ребенокъ перепрыгнетъ.

Керпанъ поспѣшно привязалъ лошадку въ хлѣвъ, пошелъ въ избу и оттуда, черезъ нѣсколько минутъ, вышелъ одѣтый и обутый по праздничному, чтобы не стыдно было показаться цесарю.

— Готовъ ! сказалъ онъ послу ; сѣлъ въ карету и помчался въ Вѣну.

III.

Въѣзжая въ столицу, Керпанъ замѣтилъ, что тутъ всѣ въ траурѣ, понуривъ голову, ходятъ по улицѣ, точно муравьи, когда разнесли ихъ муравейникъ.

— О чемъ горюете, добрые люди? — спросилъ у нихъ Керпанъ.

— О, Бердаусъ, Бердаусъ! кричали всѣ въ одинъ голосъ. Сегодня онъ убилъ цесарскаго сына. Вышелъ, бѣдняга, на поединокъ къ чудовищу и погибъ, какъ многіе другіе богатыри, выходившіе въ бой на защиту родной земли.

Керпанъ велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. Въ одинъ мигъ онъ очутился передъ цесарскимъ дворцомъ, величина и красота котораго поразили Керпана. Передъ воротами стоялъ караулъ, который тотчасъ прокричалъ, что приѣхалъ Керпанъ. Передъ этимъ уже двѣ недѣли никого не впускали во дворецъ — кромѣ самыхъ близкихъ лицъ.

Цесарь, повидимому, ожидалъ Керпана: едва слышавъ крикъ караула, онъ сейчасъ-же выбѣжалъ на встрѣчу Керпану и повелъ его во внутренне покои. Чудно показав-

лось тамъ все Керпану, лучше чѣмъ въ церкви, — глаза его разбѣжались:

Цесарь спросилъ у него: — Керпанъ, узнаешь ли ты меня?

— Какъ не узнать! Вѣдь только два гола прошло, какъ мы видѣли другъ друга. Вы, слава Богу, хорошо поживаете, если судить по вашему лицу!

Вздохнулъ цесарь и промолвилъ: — На что здоровье, когда все пошло прахомъ! Вѣдь ты уже слыхалъ про великана? Что будетъ съ нами, если и дальше такъ пойдетъ? Вѣдь сына онъ убилъ у меня, подумай!

— Что будетъ? А будетъ то, что голову снимемъ этому великану. Вотъ что будетъ!

— Да, грустно проговорилъ цесарь, — еслибы это сбылось! Но, кажется, нѣтъ на свѣтѣ богатыря, который сразилъ бы Бердауса.

— Почему же нѣтъ? Говорятъ, что на свѣтѣ все есть. Даромъ что я бѣдняга, а такъ намну ему бока, что въ другой разъ и не подумаетъ бушевать тутъ въ столицѣ, ей-ей!

— Такія смѣлыя рѣчи понравились цесарю, но онъ не совѣмъ еще вѣрилъ въ Керпана.

— Что ты силенъ, сказалъ цесарь, въ этомъ я не сомнѣваюсь, но вотъ что меня смущаетъ: Бердаусъ съ дѣтства привыкъ къ оружію, а ты только бруски да губки развозилъ по Краинѣ: конья и меча ты, небось, и не видалъ, развѣ только на иконахъ въ церкви. Какъ же ты думаешь бороться съ нимъ?

— Не бойтесь, государь! сказалъ Керпанъ: — какъ

я выйду и съ чѣмъ противъ великана — это ужъ мое дѣло!
Не боюсь ни копья, ни меча, ни другого оружія!

Повеселѣлъ цесарь и крикнулъ:

— Эй, вы! подавайте сюда полъ-кварты вина,
хлѣба и сыру! Ъшь, дескать, и пей, а потомъ пойдѣмъ
выбирать оружіе.

Но Керпанъ нахмурился. Полъ-кварты вина такому
молодцу! подумалъ онъ. Но, противу всякаго ожиданія,
ничего не сказалъ: ему, вѣроятно, приходилось слышать,
что благородные люди мало ѣдятъ и пьютъ, потому что
все ѣдятъ и пьютъ, когда и что угодно.

Принесли пить и ѣсть: залпомъ выпилъ Керпанъ
полъ-кварты вина, съѣлъ хлѣбъ и сыръ и всталъ. Цесарь
тутъ сразу смекнулъ, что такому-де силачу нужно всего
побольше, и съ тѣхъ поръ Керпану давали ежедневно:
два окорока, полъ барана, три утки и корки съ четырехъ
хлѣбовъ, испеченныхъ на маслѣ и яйцахъ — мякиша онъ
не любилъ; вина же всегда подавали столько, сколько
онъ могъ выпить.

IV.

Прийдя съ цесаремъ въ арсеналь, Керпанъ увидѣлъ тамъ сабли, мечи, брони, шлемы и тому подобное. Долго онъ выбиралъ; но что ни схватить, все ломается въ рукѣ. Цесаря даже въ дрожь бросило, когда онъ это увидалъ. Въ концѣ концовъ, онъ однако осмѣлился спросить: — Ну, скоро-ли выберешь?

— Что тутъ выбирать-то, отвѣчалъ Керпанъ. Это все игрушки; не годятся онѣ ни для Бердауса, ни для Керпана. Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь получше?

Цесарь съ удивленіемъ замѣтилъ: — Если это для тебя не годится, то ужъ и не знаю, какъ быть.

На это Керпанъ сказалъ: — Знаете что? покажите мнѣ какуюнибудь кузницу.

Цесарь повелъ его въ кузницу, которая находилась тутъ же на дворѣ — у такихъ господъ все подъ рукой. Конь-ли раскуется, починить ли или перековать нужно что-нибудь, вотъ тутъ и кузница, и молотъ, и наковальня.

Керпанъ взялъ кусокъ желѣза и самый тяжелый молотъ, который кузнецъ поднималъ всегда обѣими руками; у Керпана-же онъ зазвенѣлъ въ одной рукѣ, точно косу отбиваетъ.

— Ну ужъ молодчина! говорили другъ другу присутствующіе; даже цесарь радовался, что въ его царствѣ да нашелся такой силачъ.

Керпанъ коваль, коваль, нажимая мѣхи, сколько хватало силъ, наконецъ изъ его рукъ вышла вещь, не похожая ни на какое оружіе, нѣчто въ родѣ топора, который употребляютъ мясники. Послѣ того, онъ отправился въ цесарскій садъ и срубилъ тамъ молодую, вѣтвистую липу. Подъ этой липой былъ каменный столъ, и вокругъ него, въ жаркіе лѣтніе дни, господа цесарскаго двора прохлаждались. Эта липа была особенно дорога супругѣ цесаря. Цесарь, все время ходившій вслѣдъ за Керпаномъ, подскочилъ къ нему и воскликнулъ: — Керпанъ, что ты сдѣлалъ! Знаешь-ли, что царица лучше лишилась бы всѣхъ своихъ коней, чѣмъ этой липы! Господи, что она скажетъ!?

Керпанъ не смутился ничуть.

— Коли вамъ этой липы такъ жаль, вы бы мнѣ показали другую, сказалъ онъ. Дерево всегда деревомъ остается; я же долженъ запасться всѣмъ, что мнѣ нужно для поединка съ вашимъ Бердаусомъ. Ну, теперь звать что-ли великана.

Цесарь промолчалъ: поздно вѣдь бить въ набатъ послѣ пожара; но онъ все обдумывалъ, какъ оправдаться передъ женой. Керпанъ сначала сдѣлалъ себѣ топорнище; потомъ вытесалъ нѣчто въ родѣ толкача длиной аршина въ полтора, съ большимъ утолщеніемъ на одномъ концѣ. Тогда онъ подошелъ къ цесарю и сказалъ:

— Оружіе, значитъ, у меня есть, а коня нѣтъ. Аль пѣшкомъ будемъ драться?

Цесарь, все еще горя о липѣ, сказалъ съ досадою: — Ступай и бери себѣ любого коня изъ моей конюшни. Видно, ты хвастунъ. Я буду пана римскій, когда ты великана побѣдишь. Чего мѣшкать? Ступай и сними съ него голову; тогда въ моемъ царствѣ настанетъ спокойствіе, а тебѣ будетъ честь и слава.

Керпана такіа слова задѣли за-живое; онъ однако удержался и сказалъ: — Ну, Бердаусъ-то вѣдь не шутка! Это не то что воробей на кустѣ, котораго палкой либо кирпичикомъ можно спугнуть. Много ли у васъ богатырей, которые осмѣлились-бы сразиться съ нимъ? Помните: что я обѣщалъ, то и сдѣлаю, хоть-бы отъ гнѣва потрескались все клеветники, которые чернятъ меня тутъ. Еслибы все ваши нѣмцы такъ добросовѣстно держали свое слово, какъ нашъ братъ, то никто на свѣтѣ не зналъ-бы, что такое ложь. Но люди злы; они забываютъ, что Богъ великъ, человѣкъ-же — ничтожный червячекъ . . . Ну, пойдемъ выбрать коня. Не хочу такого, чтобы подо мною на корточки присѣлъ передъ великаномъ — вамъ — къ стыду, а мнѣ въ досаду, чтобы нѣмцы смѣялись, а вы говорили: вотъ даже коня мнѣ испортилъ?

Цесарь удивился мудрой рѣчи Керпана. Пришедши въ конюшню, онъ милостиво спросилъ: — Какъ-же ты узнаешь, Керпанъ, хорошъ-ли конь или нѣтъ?

Керпанъ отвѣчалъ: — А вотъ какъ: если я его вытащу за хвостъ изъ конюшни на дворъ, значить дрянъ.

Цесарь на это сказалъ: — Попробуй-ка! Хотя ты много хлопотъ надѣлалъ мнѣ у жены, но я все-таки предупреждаю тебя: берегись, не то конь убьетъ; они все горячи.

Мартинъ Керпанъ повытаскалъ всѣхъ коней за хвостъ, отъ перваго до послѣдняго, даже того, на котораго цесарь садился только два раза въ годъ: въ свѣтлый праздникъ да въ день своего ангела. Послѣднее обстоятельство цесарю особенно не понравилось.

Послѣ этого, Керпанъ сказалъ :

— У васъ коня подъ меня тутъ нѣтъ: посмотримъ другихъ.

Цесарь съ досадою отвѣтилъ: — Если эти не годятся, то дѣлать нечего, придется тебѣ сражаться пѣшкомъ. Ты человѣкъ не то, что другіе; у меня въ цѣломъ царствѣ не найдется ни одного коня, котораго-бы ты не вытащилъ за хвостъ.

— Это не такъ, возразилъ Керпанъ. У меня дома кобылица такая, что ни одинъ изъ вашихъ богатырей ея не вытащить, ручаюсь головой, что бы нѣмцы, вмѣстѣ съ Бердаусомъ, ни говорили, что я врунъ.

— Не та-ли, спросилъ цесарь, съ которой ты тогда плясалъ по свѣгу?

— Да, да, та самая! отвѣтилъ Керпанъ.

Цесарь, думая, что Керпанъ смѣется надъ нимъ, разгнѣвался и сказалъ: Теперь я вижу, что ты дуракъ и меня дурачишь. Смотри, Керпане! моя десница длинна!

Керпанъ съ улыбкой отвѣтилъ: — А все-же не хватаетъ великану до пояса, а вѣдь надо бы было схватить его за бороду, встряхнуть, да пообщипать маленько. Но шутки въ сторону: намъ нечего дразнить другъ друга. Поговоримъ-ка лучше о Бердаусѣ, у него вѣдь до сихъ поръ голова на плечахъ. Пошлите-же скорѣй за моею ко-

былкой, или я самъ поѣду за ней; только не знаю: вдругъ я не вернусь? Все вѣдь въ рукахъ Божьихъ.

Цесарь поскорѣй послалъ въ Холмъ за Кернановой кобылой. Когда ее привели, Кернанъ созвалъ всѣхъ нѣмецкихъ богатырей и сказалъ имъ: — Ну-ка, пробуйте! мою кобылку никто изъ васъ даже до порога не дотащить, не то, чтобы черезъ порогъ.

Пробовали и конюхи, и ученые наѣздники и всѣ, кто знаетъ обращаться съ конями, но никто ея даже съ мѣста не сдвинулъ — такъ и покидала ихъ всѣхъ на навозную кучу.

— Ишь, штука какая! ай да конь! малъ золотникъ, да дорогъ, говорили всѣ.

V.

Настало время поединка съ Бердаусомъ ; это было въ день св. Герасима. Керпанъ взялъ свой липовый толкачъ и топоръ, сѣлъ на свою знаменитую кобылку и выѣхалъ на лугъ, гдѣ происходили поединки съ чудовищемъ. Смѣшную картину представлялъ изъ себя Мартинъ Керпанъ: кобыла его была крошечная, такъ что длинныя ноги всадника тащились по землѣ. На головѣ у Керпана была старая шляпа съ широкими полями, а одѣтъ онъ былъ въ тулупъ изъ домашней овчины. Но онъ никого не стѣснялся; даже цесарь съ удовольствіемъ слушалъ его мудрую рѣчь.

Бердаусъ, увидѣвши такого потѣшнаго всадника, своего противника, захохоталъ во все горло.

— Это-то вашъ Керпанъ, сказалъ онъ надменно, его вы выписали Богъ знаетъ изъ какой далекой страны! Лучше-бы ты, братецъ, остался дома, на печкѣ, чтобы не огорчать своей матушки, если она жива, или жены, если Богъ надѣлилъ тебя ею. Проваливай живо отсюда, пока сердце мое милостиво ; когда оно у меня разгорится, такъ тебѣ не собрать грѣшныхъ своихъ косточекъ, какъ вашему цесаревичу, да и сотиѣ другихъ.

Керпанъ на это спокойно отвѣтилъ: — Если ты Богу еще не покался, поторопись: я вѣдь долго ждать не намѣренъ, спѣшу домой на печь; твои слова нагнали на меня страшную тоску по моей хатѣ и печкѣ; но не поѣду, пока у тебя голова на плечахъ. Ты на меня, пожалуйста, не сердись: я исполняю вѣдь только волю моего цесаря, не зная я ни про тебя, ни про твое богатство, ни про твои кровавыя потѣхи. Подѣзжай-же поближе, повидаемся; никогда ты мнѣ руки не подавалъ и Богъ дастъ впредь подавать не будешь; но говорятъ, что Богу не любо, если кто со злобой въ сердцѣ является на его страшное судилище.

Великанъ нѣсколько удивился такой рѣчи, тотчасъ подѣхалъ къ Керпану и протянулъ ему свою громадную руку: Керпанъ такъ стиснулъ ее, что у Бердауса сразу всѣ ногти почернѣли.

Бердаусъ заскрипѣлъ зубами, но ни слова не промолвилъ. „Этотъ-то золь и силенъ, подумалъ онъ про себя; за то — мужикъ мужикомъ, оружія небось отродясь не видалъ“.

Шибко они повернули своихъ коней и издали разбѣжались другъ на друга. Бердаусъ высоко поднялъ свой мечъ, чтобы однимъ взмахомъ отрубить у Керпана голову; но тотъ быстро подставилъ свой липовый толкачъ, и мечъ глубоко засѣлъ въ немъ; прежде чѣмъ великанъ успѣлъ выдернуть его, Керпанъ спрыгнулъ съ коня, рванулъ великана съ сѣдла и положилъ на землю, точно ребенка укладываютъ. Припе́ревъ колѣномъ Бердаусову шею, онъ сталъ ему говорить: — Ну, теперь молись поскорѣе и кайся въ своихъ грѣхахъ, исповѣдываться

тебѣ ужъ не придется: мнѣ некогда возиться съ тобою, спѣшу домой на печь; жду не дождусь опять услышать звонъ колокола въ родномъ селѣ.

Сказавъ это, онъ взялъ потихоньку топоръ и отрубилъ у великана голову. Нѣмцы, издали смотрѣвшіе на поединокъ, теперь всѣ подбѣжали; подбѣхалъ и самъ цесарь и при всемъ народѣ обнялъ побѣдителя. Народъ-же радостно кричалъ: „Керпанъ нашъ спаситель! Слава Керпана переживетъ Вѣну! Ура!“

VI.

У Керпана на душѣ запыли соловьи. Онъ подирывалъ на своей кобылкѣ, точно на свадьбу ѣхалъ. Оно и понятно ; вѣдь коли кто ужа убьетъ, такъ и то вѣшаетъ его на самомъ видномъ кусту.

Когда собрались въ цесарскій дворецъ всѣ князья и полководцы, вмѣстѣ съ Керпаномъ, цесарь самъ заговорилъ такъ: — Теперь, Керпанъ, выбирай себѣ, что хочешь. Чтобы ты ни пожелалъ, все тебѣ дамъ. Ты спасъ царство мое и столицу отъ величайшаго бѣдствія. Нѣтъ у меня ничего такого, чего-бы я ни далъ тебѣ, если пожелаешь. Даже дочь мою я тебѣ предлагаю въ жены, единственную дочь, если ты холостой,

— Я былъ женатъ, а теперь вдовецъ, отвѣтилъ Керпанъ: — жена умерла, другой-же я не искалъ. Не знаю самъ, какъ мнѣ быть, чтобы и мнѣ было хорошо, да Богу и добрымъ людямъ угодно. Дочку вашу я видалъ. Если она такъ-же умна, какъ красива, то гдѣ моей покойной бабѣ равняться съ ней! Конечно, она привыкла къ хорошей жизни, потому что изъ богатаго дома ; но вѣдь и у насъ, въ Холмѣ, не одни нищіе ; и у насъ

круглый годъ что-нибудь свиное шпикитъ въ горшкѣ. Не знаю ужъ, право, какъ быть. Слушайте: носили мы съ покойницей — царство ей небесное — виноградъ въ Триестъ, въ корзинахъ, на спинѣ. Однажды, на обратномъ пути, вдругъ жена возьми, да и расхворайся. Такъ мнѣ было досадно, что страхъ. Лучше-бы у меня въ церкви сразу пооборвались помочи въ то самое время, какъ свѣчку ставлю! Но дѣлать нечего: положилъ я жену въ корзинку и взвалилъ на плечи. Это-бы еще ничего, потому что баба была какъ дѣвчонка тринадцати лѣтъ, даромъ что ей уже за тридцать перевалило, когда я ее бралъ; тяжела поэтому не была; но неприятно то, что куда ни приѣду, вездѣ спрашиваютъ, какой-молъ это у тебя товаръ въ корзинѣ! Да, носить бабу на плечахъ по цѣлому свѣту — товаръ не ахти какой! Ну, случись теперь что-нибудь подобное, то есть, съ вашей дочерью и мною? Отсюда до Холма путь тянется какъ туманъ безъ вѣтра. Корзины съ собою нѣтъ, а на лошадекъ лишь одно сѣдло. И нечему-бы удивляться, если-бы ваша дочка дорогой заболѣла; этакіе мякиши не привыкли съ пяти часовъ утра и до восьми вечера „цика-цока, цика-цока“ на конѣ. Если, значить, все хорошенько пообдумать, да разсудить, то лучше всего будетъ, если цесаревна останется цесаревной, а я вдовцомъ, хотя, по душѣ говоря, этотъ санъ мнѣ не особенно правится. Но коли ужъ такова воля Божья, мнѣ разсуждать не приходится.

VII.

Царица, до сихъ поръ, не могла забыть, что Керпантъ срубилъ ея любимую липу у каменнаго стола; поэтому она и не присутствовала тутъ; она подслушивала за дверью, какъ это вообще принято у любопытныхъ женщинъ. Услыхавъ, что цесарь предлагаетъ Керпану дочь, она немедленно вышла и сердито закричала: „Никогда я этого не допущу; липу ты мою срубилъ, но дочери я тебѣ не отдамъ. Любезный мой супругъ! у тебя, должно быть, голова не въ порядкѣ. Извини, но ты говоришь несообразныя вещи. И вамъ-то стыдно, господа дворяне! Вы дворяне, а васъ мужики должны выручать. Не будь вы такіе трусы, и понынѣ моя липа была бы цѣла, а государству не угрожалъ-бы врагъ. Да, съ тѣхъ поръ, какъ мужчины обабились — дура та изъ насъ, которая выходитъ замужъ. Керпантъ! правда, ты спасъ государство; столицу нашу тоже спасъ. За это ты получишь бочку вина въ пятьдесятъ ведеръ, сто пять ситныхъ хлѣббовъ, двадцать барановъ и сорокъ-восемь окороковъ. Но слушай хорошенько: все это ты вези съ собою домой; ни здѣсь, ни въ дорогъ не смѣй продавать ничего. Когда ты будешь

въ Холмѣ, то дѣлай, что тебѣ угодно. И такъ какъ здѣсь, у насъ ты перевелъ всѣхъ Бердаусовъ, то не дурно-бы, если-бы ты поскорѣе собралъ свои пожитки и отправлялся во свояси. Кланяйся тамъ отъ меня всѣмъ, особливо женѣ старшины“.

Сказавъ это, царица удалилась въ свои покои. Всѣмъ господамъ сдѣлалось ужасно стыдно. Еще бы! какъ она-то ихъ отдѣлала! Керпанъ нахмурился, словно дождливый осенній день; изъ подъ сердитаго лба глаза сверкали, какъ молнія, а надъ ними, точно двѣ метлы, торчали брови. И жутко-же сдѣлалось всѣмъ вокругъ него. Даже цесарь, повидимому, еструсилъ — самъ цесарь! Но такъ какъ они съ Керпаномъ были большіе пріятели, то пріободрившись, онъ сказалъ:

— Керпанъ, успокойся! мы съ тобою поладимъ.

Керпанъ его не слушалъ; онъ взвалилъ на правое плечо свой липовый толкачъ, на лѣвое топоръ, подошелъ къ двери и сказалъ:

— Знаете что? прощайте! Не поминайте лихомъ!

Сказавъ это, онъ взялся за щеколду, чтобы уйти.

Цесарь бросился за нимъ:

— Подожди-же! говорилъ онъ. Дай поговорить съ тобою. Господи Боже мой! развѣ ты не мужчина?

Керпанъ остановился и возразилъ:

— Что? Думаете, что я не наслушался здѣсь еще вдоволь? Уши вянутъ. Старъ я, чтобы вы мною подмечали. Кто за мной послалъ карету? Мнѣ ваша Вѣна не нужна, а я понадобился Вѣнѣ; теперь же вотъ какъ вы со мною поступаете! Даже хлѣбомъ и виномъ попрекаете, точно Христа ради кормили. Цвѣтъ на свѣтѣ ничего хуже

этихъ попрековъ. Не хочется дать — не давай. И кто-бы подумалъ, что исторіи съ этой липой не будетъ конца краю, очнѣ это деревцо вмѣсто Бога вамъ было? Такое дерево выкопашь въ любомъ лѣсу, Керпана же не найдешь за всякимъ угломъ, и не въ каждомъ царскомъ дворцѣ есть Керпанъ, слава тебѣ Господи! Подарки ваши такіе, что ими воспользоваться невозможно, точно кошкѣ привязали мышъ къ хвосту: кружится, кружится, а мыши все-таки не достанетъ. Пятьдесятъ ведеръ вина, сто пять хлѣбовъ, двадцать барановъ и сорокъ окороковъ — этакое добро дѣйствительно не пустякъ; но на что оно мнѣ? Продать нельзя, а таскать все это домой также немислимо. Но я сдѣлаю то, о чемъ и во снѣ никто не думалъ: на-таскаю досокъ на дворъ; если не хватить, то бѣда деревьямъ, — всѣ посрублю, будь это липа или другое что, у каменнаго или у деревяннаго стола — все равно. И сдѣлаю я посреди двора бесѣдку и буду лежать въ ней, пока въ бочкѣ будетъ мокро и пока будетъ чѣмъ заку-сывать. Но вотъ что я вамъ еще скажу: если снова какой-нибудь Бердаусъ явится въ Вѣну: пошлите тогда хоть вашу дочь за мною — которая, кстати сказать, мнѣ ни чуточку не нравится — и тогда увидите, кого приведете изъ Краины. Я не думалъ сказать вамъ ни слова, но такъ какъ вы сами пристали ко мнѣ, то ужъ, пожалуйста, не взыщите: съ кѣмъ спорю, того медомъ-сахаромъ угощать не стану. Что ни на есть хуже и ядовитѣе слова под-беру. А затѣмъ — прощайте.

Цесарь сказалъ:

— Мартинъ, обожди немножко; экой суетливый!

Такъ ты изъ моего дома не уйдешь, ей Богу не уйдешь. Вѣдь хозяинъ тутъ я.

Керпанъ отвѣчалъ :

— Каждый человѣкъ таковъ, какъ его Богъ создалъ ; если не кривой, то косою или горбатый. Мое поведеніе вамъ не по вкусу, это я вижу. Слѣдовательно, остаться у васъ не могу и не хочу. Нашъ братъ не назойливъ, да и жить съ нѣмцами мы не по нраву. Кромѣ того, моя кобылка не привыкнетъ къ сухому сену, дома она пасется въ лѣсу, а въ пути — воздѣ дороги.

Тутъ подошелъ министръ Григорій, у котораго хранились ключи отъ цесарской каессы — у цесаря вѣдь на всякое дѣло особая челядь — и сказалъ :

— Цесарь ! Вашъ шутъ Стефанъ умеръ, царство ему небесное. Стенанъ и Керпанъ — это почти одно и тоже. Да кромѣ того онъ ему, кажется, доволится землякомъ. Какъ по вашему ? можетъ быть, этотъ занялъ бы его мѣсто ; онъ хитѣрь, толстъ и смѣшенъ, языкъ у него также безъ костей — не скоро такого найдете.

Керпанъ на это сказалъ сердито :

— Магистръ Григорій, знаете что ? Разъ ужъ я былъ дуракомъ, а больше не буду. Не совѣтую вамъ глумиться болѣе надо мною. Да кстати : чуть было не забыть. Государь, вѣдь это вы встрѣтились со мною въ лѣсу, не такъ-ли ?

— Да, встрѣтился.

— Чѣмъ тогда моя кобылка была навьючена ?

— Брусками да трутомъ.

— Это было, когда вы ѣздили въ Іерусалимъ ?

2

— Не въ Іерусалимѣ, а въ Тріестѣ; объ Іерусалимѣ я знаю столько-же, сколько о моемъ смертномъ частѣ.

— Да и я о брускахъ и трутѣ знаю не болѣе. Тогда, видите-ли, я вамъ совралъ, о чемъ и понынѣ жалѣю. Англійскую соль я везъ. Собственно говоря, я не боялся ни васъ, ни вашего кучера, но оно ужъ такъ бываетъ: какъ совратился человѣкъ съ пути истины, то боится даже, когда вѣткой его задѣнетъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ.

На это министръ Григорій сказалъ сердито:

— Развѣ не знаешь, что запрещено развозить соль? Это человѣкъ опасный — государство разоряетъ! Схватите его, тащите въ тюрьму!

— Кто меня схватить! крикнулъ Керпанъ. — Не ты-ли, долгоязыный верзило, сухой что твоя кочерга? Одной рукой я васъ зашвырну черезъ колокольню св. Стефана, что посреди города. Этакъ вы всегда съ нами поступаете: когда мы вамъ нужны, виляете и разсыпаетесь мелкимъ бѣсомъ, чтобы затѣмъ, при первомъ же случаѣ, прижать насъ къ стѣнѣ — на то вы и нѣмцы, конечно.

Тутъ цесарь вмѣшался въ бесѣду. — Ты лучше мнѣ скажи, чего тебѣ нужно, ласково спросилъ онъ Керпана; — а ты, министръ Григорій, оставь его; я ужъ самъ знаю, какъ быть.

Керпанъ отвѣчалъ:

Слушайте: моя возня съ Бердаусомъ, конечно, дѣло не пустое. Кто его знаетъ, можетъ быть, праздные люди даже рассказы и пѣсни будутъ сочинять объ этомъ, когда уже не будетъ ни васъ, ни меня на свѣтѣ, если разумѣется, министръ Григорій не прикажетъ какъ-нибудь иначе записать въ лѣтопись; но пускай дѣлаетъ, какъ

ему угодно, мнѣ отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. Какъ бы тамъ ни было, всакій работникъ достоинъ награды, какъ я слыхалъ въ церкви. Если вамъ угодно, то дайте мнѣ записочку, которая будетъ имѣть силу и передъ духовной, и передъ свѣтской властью; да и вашу печать кстати приложите къ ней, чтобы я безъ опасенія могъ торговать англійской солю. Если вы мнѣ это дадите, то будь я негодяй, если васъ когда-нибудь и въ чемъ-нибудь упрекну.

Цесарь тотчасъ согласился; министръ Григорій заворчалъ было, но цесарь на него не обратилъ вниманія.

— Бери перо, Григорій, приказалъ онъ — и пиши, какъ Мартинъ просить.

Министръ Григорій поморщился, но не посмѣлъ послушаться: цесаря вѣдь всякій боится.

Когда письмо было готово и печать приложена, цесарь сказалъ Керпану:

— Мартинъ, продай мнѣ вино, окорока и все прочее, что тебѣ подарила царица. Этакъ лучше будетъ. Съ царицей ужъ я какъ-нибудь слажу, а тебѣ дамъ кошелекъ червонцевъ за все. Вѣдь какъ тебѣ все это оттащить домой?

Керпанъ отвѣтилъ:

— Полтора кошелька не много было бы, государь. Но такъ и быть, съ вами торговаться видно не приходится, только чтобы мнѣ съ царицей не вѣдаться; страсть не люблю возиться съ начальствомъ. Впрочемъ у меня свидѣтели, что вы все приняли на себя.

Цесарь отвѣтилъ:

— Все это я устрою, Мартинъ. Вотъ тѣбѣ кошелекъ, а вотъ и записка. Но коли ужъ хочешь уйти, то не сегодня: день клонится къ вечеру.

Керпанъ отвѣтилъ:

— Спасибо вамъ, во-первыхъ, за записочку, которую я могу двинуть въ зубы всякому, кто посмѣетъ останавливать меня на пути; да и на счетъ денегъ — не стану хмуриться; кто его знаетъ, что со мною въ пути можетъ случиться, особенно въ этой нѣметчинѣ. На ночь же у васъ не останусь, извините ради Бога. Только объ одномъ попрошу: дайте мнѣ дворника проводить меня до большой дороги; городъ великъ, домовъ бездна, и улицы какъ паутины порасянуты всюду. Ни въ Триестѣ, ни въ Люблянѣ ничего подобнаго не видалъ; а съ кучеромъ мы ѣхали шибко: хотъ убей, не упомяну, откуда онъ меня привезъ, хотя я все время смотрѣлъ въ оба. Не дано вѣдь всякому человѣку всегда знать, гдѣ онъ находится.

Цесарь обѣщалъ дать ему своего слугу; потомъ онъ протянулъ Керпану руку и велѣлъ Григорію сдѣлать то же. Министръ позеленѣлъ отъ злости, но руку протянулъ.

Керпанъ взвалилъ толькочъ и себѣ на плечи и сказалъ на прощаніе:

— Если бы опять явился какой-нибудь Бердаусъ — присылайте за мной. А поклонъ передамъ всѣмъ землякамъ, да и старостовой женѣ. Прощайте.

— Счастливаго пути! сказалъ цесарь, а министръ Григорій промолчалъ.

08155 0

NARODNA IN UNIVERZITETNA
KNJIŽNICA

00000441572

